

ДИСКУРСИВНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА И ДЕМОКРАТИИ Ю. ХАБЕРМАСА

Архипов Сергей Иванович

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: arhip10@mail.ru

Исследуется юридическая теория Ю. Хабермаса, выступающая одной из наиболее интересных версий современного дискурсивного типа правопонимания. Автор касается центральных вопросов данной теории: принципов правового дискурса, концепта коммуникативного разума в праве, понятия делиберативной демократии. Подробно анализируются предложенные Ю. Хабермасом характеристики правовой системы, соотношение права и морали, политики и права.

Ключевые слова: теория права, социология права, дискурс, коммуникативный разум, демократия, правовая коммуникация

J. HABERMAS'S DISCOURSE THEORY OF LAW AND DEMOCRACY

Arkhipov Sergey

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: arhip10@mail.ru

The article researches J. Habermas's theory that is one of the most interesting versions of discourses law interpretation. The author touches upon the key issues of this theory: principles of legal discourse, a concept of communicative reason in law, and a concept of deliberative democracy. He analyzes in detail the characteristics of legal system, proposed by J. Habermas, the correlation between law and morale, between politics and law.

Key words: theory of law, sociology of law, discourse, communicative reason, democracy, legal communication

Юрген Хабермас (род. 1929) – один из самых известных и почитаемых в современном мире философов и социологов, представитель Франкфуртской школы. Его основные правовые идеи наиболее полно и системно изложены в работе «Фактичность и значимость» (1992 г.). Среди них особый интерес для теоретико-правовой науки представляет его междисциплинарный (языковой, моральный, этический, политический, правовой) концепт коммуникативного разума. Для Ю. Хабермаса разум неразрывно связан с социальным общением, взаимодействием людей, он «открывается» субъектами в процессе коммуникации. Коммуникация может быть простой, непосредственной («наивной»), а может иметь дискурсивный характер, строиться по определенным правилам, обеспечивающим проверку аргументов участников в ходе диалога, быть нацеленной на достижение согласия сторон.

Ю. Хабермас выделяет следующие принципиально важные положения организации коммуникативного процесса дискурсивного типа:

1) процесс должен иметь открытый (публичный) характер, в него вовлекаются все заинтересованные лица, никто не может быть исключен из числа желающих внести свой вклад в дискуссию;

2) участникам процесса предоставляется коммуникативное равноправие, в силу которого в равной мере учитываются интересы и ценности каждого из них, все имеют одинаковые возможности, шансы на изложение своих аргументов (при этом важно, чтобы мысли участников не расходились с их словами);

3) исключаются обман, а также принуждение, воздействие на участников дискуссии каких-либо внешних авторитетов (таким образом, решающее значение имеют лишь приводимые участниками аргументы, их весомость). Коммуникация результативна лишь тогда, когда каждый ее участник ориентирован на достижение взаимопонимания¹.

Право согласно представлениям Ю. Хабермаса формируется по «принципу дискурса», следовательно, должно быть сферой коммуникативного разума. Правовые средства – это «условия возможности социальной интеграции на основе коммуникативного взаимодействия»; право есть структура опосредования коммуникативного действия². Закон, его легитимность напрямую зависят от организации процесса правотворчества, от используемых процедур обсуждения, принятия законодательных решений. В коммуникативном правотворческом процессе, участники которого применяют адекватные правовые механизмы, проявляется «производительная сила коммуникации», ее способность объединять людей посредством разумных законов. Осознание значимости правовых процедур подтолкнуло немецкого философа к разработке так называемой процедуральной правовой парадигмы, призванной содействовать достижению рациональности и легитимности принимаемых законов. Для него принципиально важна связь позитивности права с его легитимностью. Исходя из «принципа дискурса» значимы, легитимны только те нормы действия, с которыми в рациональном дискурсе могли бы согласиться все те, кто испытывает на себе последствия принятия данных норм³.

Полемизируя с М. Вебером по поводу принципов функционирования современного права, Ю. Хабермас отмечает, что формальное право в организационном плане не вступает в конкуренцию ни с наукой, ни с искусством; скорее, система права «врастает в становящуюся все более комплексной систему хозяйства и управления; она даже становится все более необходимой по мере иссякания моральных источников»⁴. Он критикует применяемую М. Вебером модель рационализации профессиональной юридической деятельности по принципу «Цель – средство». Согласно этой модели тем, кто желает добиться определенного правового результата (цели), юристы должны быть способны предложить подходящее средство его достижения, руководствуясь установленными ими принципами права и правилами юридического мышления. По мнению Ю. Хабермаса, рационализацию права нельзя рассматривать исключительно в контексте принципа «Цель – средство», право в первую очередь нужно трактовать в ценностно-рациональном аспекте. Он склоняется к мысли, что современное право есть воплощение посттрадиционных структур сознания, сформировавшихся в результате расщепления «универсального разума» на множество самостоятельных культурных ценностных сфер; для него «система права – это жизненный порядок, подчиняющийся формам морально-практической рациональности»⁵.

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. М., 2001. С. 115–116.

² Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 204.

³ Там же. С. 205.

⁴ Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 137–138.

⁵ Там же. С. 140, 145.

Ю. Хабермас, разделяя точку зрения М. Вебера о том, что в современном сознании разрушено исходное единство истинного, доброго и совершенного («харизма разума»), в основе которого лежали религиозные и метафизические представления, не соглашается с ним в том, что нельзя обеспечить единство рациональности в условиях дифференциации ценностных сфер. Достижение такого единства возможно, по его мнению, в праве, которое формируется на принципах рационального дискурса. Он скептически относится к предложениям связывать прогресс рациональности современного права прежде всего с систематикой права, с формальными методами, приемами, относимыми к так называемому профессиональному разуму юристов. Он считает, что систематизация смысловых взаимосвязей предполагает переход к новой (посттрадиционной) стадии морального сознания, которое возникает благодаря этической рационализации картины мира.

Ю. Хабермас вслед за М. Вебером полагает, что для современной системы права характерны три структурных признака: *позитивность, легализм и формальность*¹. Под позитивностью права он понимает установленность его законодателем; при этом позитивность подразумевает не только принятие законов, подзаконных актов, но и возможность их пересмотра. Легализм предполагает наличие легитимных порядков, придающих нормативным актам законную силу и основывающихся на согласии, которое должно иметь форму коммуникативного, т. е. договорного согласия.

Формализм современного права не магический, когда ритуальное соблюдение формы юридических действий гарантирует достижение желаемого правового результата, а «логический», основанный на разграничении материальных и процессуальных норм. В сфере частного права данный структурный признак проявляется, как полагает Ю. Хабермас, в установлении внешней границы легитимного произвола частных лиц, которым дозволено все, что прямо не запрещено законом (в отличие от частного права, где отношения регулируются негативным образом, в публичном праве, по словам ученого, они регулируются позитивным образом – путем определения прав и обязанностей участников). По мнению мыслителя, указанные признаки характеризуют тип организации правового действия, обуславливают систему действий, в которой все индивиды ведут себя стратегически, т. е., во-первых, подчиняются официально принятым законам, поддающимся в любой момент легитимному пересмотру; во-вторых, преследуют собственные интересы, не испытывая при этом нравственных опасений; в-третьих, принимают оптимальные решения в целях осуществления своих интересов, рационально используя предоставленную им правовую свободу в рамках действующих законов².

С точки зрения Ю. Хабермаса, названные структурные признаки права свидетельствуют о том, что его значимость не может зиждиться только на авторитете нравственных традиций, она нуждается в автономном обосновании. Такое обоснование возможно лишь на постконвенциональной стадии правового развития, когда возникают идея допустимости критики принимаемых правовых норм и потребность в их оправдании. На данной стадии впервые различаются нормы действия и принципы действия, возникают представления о том, как правильно создавать правовые нормы, как достигать разумной договоренности относительно обязательных правил, появляются концепты всеобщей правоспособности, абстрактного субъекта права, правотворческой силы отдельной личности и т. д.³ Данные концепты, по мнению ученого, развиваются и систематизируются в рамках рационального естественного

¹ Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности. С. 144.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 145–146.

права. Именно его Ю. Хабермас рассматривает как теоретическую рамку для обоснования юридически организованных государственных и общественных конституций. Он считает, что «благодаря модели договора, на основании которой все члены правового сообщества как изначально свободные и равные партнеры регулируют свою жизнь посредством разумного взвешивания своих интересов, современные теоретики естественного права удовлетворяют требованию процедурного обоснования права, то есть обоснования исходя из принципов, значимость которых, в свою очередь, может быть подвергнута критике»¹.

В дискурсивной теории Ю. Хабермаса легальность как структурный признак современного права не тождественна легитимности, легальность нуждается в оправдании. По мере того как право становится инструментом легального политического господства, оно оказывается зависимым от легитимации, обоснования принятых нормативных актов. Целям легитимации может служить, например, конституция как выражение согласия всех граждан. Философ последовательно критикует М. Вебера за позитивистское понимание права, его веру в легальность как особую форму легитимности, стремление легитимировать легальное политическое господство. Он выступает категорически против того, что вера в легальность способна порождать легитимность, что ее можно рассматривать в качестве самостоятельного типа легитимности.

Не менее интересны размышления Ю. Хабермаса о соотношении принудительности и свободы в правовой сфере. Вслед за И. Кантом он указывает на наличие концептуальной связи между принудительным характером положительного права и социальной свободой. Нормы права, по его мнению, с одной стороны, имеют принудительный характер (государство обеспечивает их санкциями на случай неисполнения), с другой – должны воплощать в себе идею свободы, выступать в качестве законов свободы для своих адресатов. Данная двойственность в понимании права существует, как полагает ученый, со времен Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта, причем она нашла отражение не только в философских воззрениях, но и в политическом строе западных обществ². Как можно соединить в праве два внешне несовместимых начала? С точки зрения Ю. Хабермаса, такое возможно лишь благодаря демократической процедуре законоположения.

Сопоставляя право и мораль, немецкий ученый приходит к выводу о том, что их связывают отношения скорее дополнительности, чем подчинения; моральный универсум не ограничен в социальном пространстве и исторической перспективе и охватывает всех физических лиц; правовая общность, напротив, локализована в пространстве и во времени, «охраняет целостность своих членов ровно в той мере, в которой они принимают искусственно созданный статус носителей субъективных прав»³. Ю. Хабермас трактует право как более ограниченную в пространственно-временном смысле по сравнению с моралью систему социальной коммуникации, которая хотя и не находится с моралью в отношениях прямой подчиненности, но все же зависит от нее, не обладает коммуникативной автономией от моральных императивов (является ее функциональным дополнением). Вместе с тем он признает, что отношения, требующие правового регулирования, «одновременно и более ограничены и более объемлющи», чем моральные; в сферу правового регулирования входят также вопросы прагматического и этического характера, вопросы достижения

¹ Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности. С. 148.

² Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. С. 402–403.

³ Там же. С. 405.

компромисса между противоречивыми интересами. Ученый подчеркивает, что практика законодательного обоснования зависит не только от морального дискурса и что право вынуждено доказывать свою легитимность также в качестве защитника свободы. Для него субъективные права заключают в себе идею освобождения правовых субъектов от довлеющих над ними моральных заповедей в ограниченной области¹.

Ю. Хабермас рассматривает выдвинутую им «процедуральную» правовую парадигму в неразрывной связи с развитием демократии, совершенствованием демократических процедур. Сопоставляя модели либеральной и республиканской демократии, он в качестве альтернативы им предлагает свою (третью) модель, которую именует делиберативной демократией (от лат. *deliberatio* – обсуждение). В либеральной демократии каждый действует как частное лицо, а государство играет роль посредника, фокусирующего частные интересы. В республиканской все граждане признаются элементами единого политического целого, «цементирующим» началом которого выступает общественная солидарность. В отстаиваемой же Ю. Хабермасом модели делиберативной демократии идеалом является сообщество свободных и равных индивидов, самостоятельно определяющих формы своей социальной жизнедеятельности; главное в этой модели – процедуры обсуждения и принятия решений; под демократией здесь понимается коммуникативный демократический дискурс. Третья модель демократии основывается на коммуникации, нацеленной на уравнивание интересов и ценностных ориентаций, пребывающих в состоянии конфликта. По мнению Ю. Хабермаса, необходимо учитывать многообразие форм коммуникации, в которых совместная воля образуется не только посредством этического самосоглашения, но и за счет достижения баланса интересов и компромисса, рационального выбора средств, морального обоснования, а также проверки на юридическую связанность².

В рамках модели делиберативной демократии Ю. Хабермас пытается синтезировать элементы либеральной и республиканской форм демократии, интегрировать их в понятие «идеальной процедуры» совещания и принятия решений. Цель данной процедуры – установить внутреннюю связь между переговорами, дискурсами самосоглашения и справедливости и обосновать, что именно при таких условиях достигаются разумные и честные результаты³. Ученый сопоставляет теорию демократии с теорией правового государства, основываясь на том, что правовое государство не может существовать вне демократического строя, что только посредством «идеальных процедур» можно объединить обе теории в одно целое в рамках общего концепта демократического правового государства. В предлагаемой им модели демократии социум как самостоятельный субъект, стремящийся к достижению определенного результата, поставленной им цели, уступает место системе рациональных демократических процедур. В модели делиберативной демократии вообще отсутствует коллективный субъект как социальный деятель, основоположник теории демократического дискурса отказывается от устоявшихся, признанных социальных фигур в пользу бессубъектных коммуникаций (что сближает взгляды Ю. Хабермаса с коммуникативными представлениями Н. Лумана). Освободившееся после «изгнания» социальных субъектов место в системе демократического устройства немецкий философ «предоставляет» политической общественности.

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. С. 404.

² Там же. С. 391.

³ Там же. С. 392.

Понятие «общественность» имеет большое значение в системе политико-правовых воззрений Ю. Хабермаса. Уже в греческом полисе, по его мнению, общественность конституировалась в беседе, которая принимала совещательную форму и форму суда, а также совместного действия; сфера общественного первоначально отделялась от сферы частного, которая есть принадлежность конкретного человека¹. Сформировавшийся в Древней Греции феномен общественности как идея, идеологический образец сохранился и стал достоянием современности. Общественность, с точки зрения ученого, должна способствовать возникновению, развитию политической и правовой коммуникации, широких, многомерных социальных связей, совместной жизнедеятельности людей; для общественной сферы характерны открытость, а также свобода общения, взаимодействия граждан².

Формы общественности не остаются неизменными, они модифицируются; в зону общественного попадают клубы, театры, пресса, другие культурные центры; с образованием гражданского общества общественность начинает выполнять роль посредника между частной и публичной сферами. В современном обществе автономные подвижные структуры, независимые от государства неформальные объединения общественности призваны противостоять, с одной стороны, негативным влияниям частных экономических интересов, с другой – авторитаризму государственной власти, силе и сплоченности ее «бюрократической машины». По мнению Ю. Хабермаса, можно констатировать возникновение феномена мировой общественности как наднационального явления (о чем свидетельствуют мировые протесты). Дальнейшее развитие демократии, политико-правовой сферы он связывает с усилением роли свободной общественности, появлением новых ее форм, социальных движений, структур, способных оказывать организованное, целенаправленное воздействие на государство, чиновничий аппарат, органы государственной власти.

С проектом делиберативной демократии тесно сопряжены представления Ю. Хабермаса о гражданстве как правовом институте. Он отмечает, что для юристов гражданство долгое время означало лишь подданство или национальность и «лишь с недавнего времени это понятие расширяется и приобретает смысл гражданского статуса, который описывают через гражданские права»³. По его мнению, в основе понятия гражданства лежит понятие самоопределения Ж.-Ж. Руссо. Институт гражданства предполагает ассоциацию свободных и равных индивидов, формирующуюся на принципах добровольности; ядро гражданства образуют права на участие в деятельности государства, на свободную коммуникацию. Демократическое гражданство, по убеждению Ю. Хабермаса, не нуждается в укоренении национальной идентичности какого-либо народа; оставаясь индифферентным к многообразию культурных форм, оно вместе с тем требует социализации всех граждан в рамках общей политической культуры⁴. Только демократическое гражданство, по мысли ученого, способно подготовить почву для утверждения статуса гражданина мира, при этом гражданство отдельных стран и мировое гражданство должны формировать «единый континуум, который в своих основных чертах несмотря ни на что уже начинает вырисовываться»⁵.

¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. С. 125.

² Там же. С. 126–127.

³ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. С. 217.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ Там же. С. 245.

С точки зрения теории права, а также международного права представляют интерес рассуждения Ю. Хабермаса о кантовской идее «вечного мира», ее исторической перспективе. Он признает революционность проекта трансформации международного права как закона для государств в общечеловеческое право (*cosmopolitan law*) – закона для граждан мира (речь идет о переходе от международного к космополитическому порядку, в котором каждое государство является подчиненной стороной)¹. По его мнению, первоначально И. Кант целью своего проекта считал создание мирового государства наций (народа), но не был до конца уверен в ее достижимости, а потому позднее он уточнил эту цель, заявив о необходимости формирования свободной лиги (федерации) суверенных национальных государств, каждое из которых сохраняет за собой право выхода из нее².

По мнению Ю. Хабермаса, И. Кант как человек своего времени не мог учесть важные обстоятельства, которые возникнут в будущем, предвидеть то, что положенные в основу его теории предпосылки (существовавшие в конце XVIII в.) уже не будут соответствовать действительности. Таких предпосылок три: мирная природа республик (государств республиканской формы правления, основанных на демократических конституциях); объединяющая сила всемирной торговли; фактор воздействия либеральной общественности на внешнюю политику государств. Исследуя каждую из них, Ю. Хабермас приходит к следующим выводам: во-первых, демократически устроенные республики воюют не меньше, чем государства с авторитарным режимом, и И. Кант не мог предвидеть взрывной национализм XIX и XX вв.; во-вторых, развитие торговли в определенной мере способствует мирному процессу, но социальное напряжение, которое возникает в ходе ускоренной капиталистической индустриализации, сопровождается внутри стран классовой борьбой, а вовне – воинствующим империализмом; в-третьих, гражданская общественность, которая, по мысли И. Канта, должна была выполнять контролирующие функции, препятствовать «темным» намерениям правителей, формулировать максимы ведения войны и установления мира, в XX в. дегенерировала под воздействием средств массовой информации, совершила «великое предательство»³.

Ю. Хабермас предлагает скорректировать кантовский проект «вечного мира» с учетом современных условий. Идею о союзе народов, который заключается на долгий срок и, тем не менее, не ограничивает суверенитет государств, он считает несостоятельной, отношения между государствами в рамках космополитического порядка, по его мнению, должны быть обязывающими, строиться на некоем уставе или конституции. В отличие от И. Канта, который ратовал за объединение государств, Ю. Хабермас главной целью называет объединение граждан мира. Суть его уточнения позиции И. Канта состоит в том, что космополитическое право должно действовать, минуя коллективных субъектов международного права, напрямую распространяться на индивидуальных субъектов права, т. е. речь идет об их непосредственном членстве в глобальной правовой ассоциации. Кроме того, ученый выступает за реформу ООН в целях обеспечения всеобщего мира и защиты прав человека, за расширение полномочий Международного суда ООН в соответствии с проектом, разработанным в прошлом веке Г. Кельзенем. Также он предлагает не ограничиваться

¹ Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестн. рос. философского общества. 2003. № 3. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. С. 292–293.

только правовыми запретами ведения войны, а создавать такие социальные условия, которые препятствуют возникновению военных конфликтов, способствуют предотвращению вооруженного насилия¹.

Достоинства и недостатки правовых воззрений Юргена Хабермаса. Научное наследие «самого главного философа Германии» свидетельствует об удивительном разнообразии его исследовательских интересов, в сферу которых входят проблемы психоанализа, герменевтики, социальной эволюции, коммуникации, истории, морали, права, экономики, политики и т. д. К творческому активу Ю. Хабермаса можно отнести коммуникативный концепт, адаптированный им в начале 1990-х гг. к правовой сфере, проект мирового гражданства, теоретическую модель делиберативной демократии, переформатированный им с учетом современных условий кантовский проект «вечного мира». Ценность для науки представляет и предложенный Ю. Хабермасом вариант реконструкции незавершенного проекта модерна, основанный на его идеях коммуникативного разума (проект был сформулирован философами в XVIII в., его цель состояла в последовательном развитии наук и искусства, универсалистских основ морали и права)². Среди достоинств теоретико-правовых конструкций Ю. Хабермаса можно назвать также глубину, основательность их проработки: он вновь и вновь возвращается к ранее обозначенным идеям, уточняя и переосмысливая их; может быть, именно в этом кроется причина эффективности его исследований.

Как и во всякой правовой концепции, в дискурсивной теории Ю. Хабермаса можно обнаружить спорные положения и недочеты. Так, помимо чрезвычайной абстрактности, упрек в которой обычно адресуется философам, можно указать на недостаточно четко проведенные ученым разграничительные линии, «межевые знаки», между правовой сферой и политикой, моралью, религией; в его правовых представлениях эти сферы частично накладываются друг на друга. Выделяемые им вслед за М. Вебером структурные признаки права (позитивность, легализм и формальность), на наш взгляд, не совсем согласуются с его дискурсивным пониманием права. Если для М. Вебера, по мнению которого вера в легальность тождественна легитимности, такое определение права вполне объяснимо, то обращение к данному набору признаков ученого, который настаивает на необходимости обоснования, легитимности принимаемых законодателем норм, рассматривает право сквозь призму идеи коммуникативного разума, вызывает вопросы. Внутренне противоречивым представляется также рассмотрение им права в качестве одновременно свободы и морали (напомним, что право в его системе представлений – это функциональное дополнение морали).

К числу дискуссионных положений концепции Ю. Хабермаса можно отнести его теоретическую модель устройства и организации публичной сферы общества, в которой он особую роль отводит гражданской общественности. Некоторые авторы (О. Негт, А. Клюге) называли модель ученого не соответствующим реальности идеалом; на ее нежизнеспособность указывал М. Фуко³. Учитывая тенденцию к «рефе-

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. С. 295–310.

² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003; *Его же*. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы / сост. А. В. Денежкина. М., 2005. С. 7–31.

³ Подробнее см.: Вербилевич О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал. С. 47–48 // URL: http://www.hse.ru/data/2014/03/04/1333203494/Вербилевич_Теория%20коммуникативног%20действия.

одализации СМИ» (термин Ю. Хабермаса), подконтрольность телевидения, многих печатных источников информации государству, манипулирование общественным мнением со стороны субъектов публичной власти, можно усомниться в том, что неформальные разрозненные автономные образования «мировой общественности» справятся с теми социальными задачами, которые возлагает на них ученый, и смогут эффективно противостоять глобальным центрам силы, использующим в своих целях механизмы публичного принуждения как отдельных государств, так и целых государственно-политических союзов, собственные огромные финансовые ресурсы и подконтрольные медиа-институты. Тем более, как признается сам автор данной идеи, в отличие от эпохи Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, когда сильные мира сего прислушивались к советам философов, интеллектуалов, исполняющих роль социальных поводырей, сегодня значение философских и научных трактатов в обществе падает, гражданская общественность дегенерирует. Когда харизма разума разрушена, а вместо нее в общественном сознании укоренились культы денег и власти, какой смысл уповать на «дон-кихотов» от философии и науки?

Можно также усомниться в применимости модели демократии Ю. Хабермаса к процессу создания правовых законов, если исходить из заявленных им принципов коммуникации дискурсивного типа. Как демократия, будучи формой политической власти (пусть даже абсолютного большинства над ничтожно малым меньшинством), может обеспечить коммуникативное равноправие участников законодательного процесса, исключить подчинение одних (меньшинства) другим (большинству)? Как на основе «принципа дискурса» добиться принятия таких норм, с которыми могли бы согласиться все те, кто испытает на себе последствия их принятия? Любая демократия, будь она самой «демократической», неспособна осуществить поставленные автором дискурсивной концепции права цели. Ведь демократия – это форма политической коммуникации, основанная на идее власти и подчинения, а отстаиваемый немецким философом «принцип дискурса» базируется на кантовском совмещении произвола одного с произволом другого с точки зрения закона свободы. Иными словами, Ю. Хабермас предлагает модель правового типа коммуникации, в которой демократия является чужеродным элементом, заимствованным из другого (политического) мира.

Библиография

Вербилевич О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // URL: http://www.hse.ru/data/2014/03/04/1333203494/Вербилевич_Теория%20коммуникативног%20действия.

Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. М., 2001.

Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.

Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестн. рос. философского общества. 2003. № 3.

Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы / сост. А. В. Денежкина. М., 2005.

Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

Bibliography

Verbilovich O. Teoriya kommunikativnogo dejstviya: klyuchevye kategorii i poznavatel'nyj potencial // URL: http://www.hse.ru/data/2014/03/04/1333203494/Verbilovich_Teoriya%20kommunikativnog%20dejstviya.

Xabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nravstvennost'. M., 1995.

Xabermas Yu. Diskussiya o proshlom i budushhem mezhdunarodnogo prava. Perexod ot nacional'noj k postnacional'noj strukture // Vestn. ros. filosofskogo obshhestva. 2003. № 3.

Xabermas Yu. Filosofskij diskurs o moderne. M., 2003.

Xabermas Yu. Grazhdanstvo i nacional'naya identichnost' // Xabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nravstvennost'. M., 1995.

Xabermas Yu. Modern – nezavershennyj proekt // Xabermas Yu. Politicheskie raboty / sost. A. V. Denezhkina. M., 2005.

Xabermas Yu. Racionalizaciya prava i diafnos sovremennosti // Sociologicheskoe obozrenie. 2011. T. 10. № 3.

Xabermas Yu. Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoy teorii. M., 2001.